

АЛЕКСЕЙ
КОРЕПАНОВ

З

О

Н

БАБОЧКИ

Потерять гораздо легче, чем найти и вернуть. Долог и труден путь Павла Корнилова, пытающегося добыть истинные знания о прошлом. Каждый день приносит все новые открытия и неожиданности, и постепенно приходит понимание действительного положения вещей. Но что делать Павлу с этой истиной?

Алексей Корепанов

Зона бабочки

1

Вокруг царила сплошная тьма, будто в первый день творения, когда земля была безвидна и пуста. Или словно внутри «Черного квадрата» Малевича, где негры ночью грузят уголь...

Гридин усмехнулся, отметив про себя, что и в этой новой и совершенно неясной, в прямом и в переносном смысле, ситуации не утратил привычку мыслить образно. И это не могло не радовать. Возможно, насчет погрузки угля темнокожими он и переборщил, потому что в черноте не раздавалось ни звука, — а те вряд ли смогли бы работать бесшумно, — зато с первоначальным библейским мраком все было точно: тьма кромешная не только заполняла все вокруг, но и вверху, над головой, оказалась непроницаемой. Ни луны, ни звезд — поскольку сотворил Господь эти светильники небесные только на четвертый, кажется, день.

Впрочем, сравнение с Первой книгой Моисеевой в данном случае все же хромало: совсем недавно звезд в небе было сколько угодно, и луна присутствовала, и эта умирительная картина отлично просматривалась из кабины вертолета.

Кстати, о вертолете... Гридин прислушался, но не уловил ничего похожего на удаляющийся рокот. Высадив его, пилот вместе с машиной исчез, будто растворился в этом всепоглощающем мраке.

«Прошляпил, Герман, — упрекнул себя Гридин. — Прозевал. Мог и по голове получить на прощание. Например, пустым пластиковым стаканчиком. От пилота, для проверки реакции...»

Это он, конечно, преувеличивал. Пилот, действительно, мог бы позволить себе такую шалость — на удачу. Только он, Герман Гридин, успел бы уклониться в ста случаях из сотни.

Как бы там ни было, но вертолет, высадив пассажира, улетел, и теперь стоило подумать о том, что делать дальше. Хотя — что можно делать в такой темнотище, не имея при себе никаких источников освещения? Нет, разумеется, отправиться в путь прямо сейчас — не проблема, но сколько будет потрачено лишней энергии... Лучше все-таки дожждаться рассвета. А рассвет здесь обязательно должен наступить — в противном случае, ему, Герману Гридину, не забыли бы дать фонарь. Хотя бы подствольный.

Левой рукой он ощущал сквозь тонкую ткань куртки висящую под мышкой кобуру с пистолетом. Это был единственный его груз. Ну, и запасной магазин на семнадцать патронов во внутреннем кармане. Скорпион обещал пособить с

дополнительным боекомплектом, коль понадобится, и Гридин ничуть не сомневался в том, что Скорпион выполнит обещание. Десять лет совместной работы — срок солидный, и не припоминалось случая, чтобы Скорпион не сделал того, что мог. Если мог.

Сволочное этакое словечко: «если»...

На сверхготовность Гридин пока себя не настроил — после высадки прошло всего ничего, и пункт назначения был, как ему говорили, совсем не близко. Поэтому донесшийся из глубин супрематического «Черного квадрата» голос оказался для него неожиданностью.

— Кто ты? — спросили из темноты.

Голос был то ли мужским, то ли женским, и не очень внятным.

— А ты? — не нашел Гридин ничего лучшего, чем ответить вопросом на вопрос.

— Ты чужой...

Эти два слова еще не успели стихнуть, а Гридин уже падал, заученным на всю жизнь движением выхватывая пистолет. «Молнию» на куртке он, как всегда, приступая к заданию, застегнул только до груди, и кобуру держал открытой.

Выстрелы прозвучали на удивление приглушенно, словно темнота была забита ватой, — один, и сразу за ним второй. Двух вполне должно

было хватить — уж в чем-чем, а в собственной меткости Герман не сомневался. Промахов ни на тренировках, ни на заданиях у него не случилось.

Он лежал на животе, не выпуская из руки свой безотказный «глок», мимоходом отметив, что под ним не трава, не песок и не камни, а что-то подобное гладкому, не слишком податливому поролону или резине. Лежал и выжидал, не донесутся ли из темноты стоны или ругань. Стрелял он заведомо по ногам, не ставя целью убивать до смерти — хоть и совсем ничтожной была вероятность того, что там, в черноте, находится именно тот, кого совершенно нежелательно валить наповал. Но кто знает, как в действительности могло обстоять дело — рисковать не стоило.

Правда, сирена молчала, но мало ли что... Может, и не собирались убивать, просто повязали бы по рукам и ногам. Но он-то прибыл сюда вовсе не для того, чтобы его вязали. Можно было называть это чутьем, а можно — опытом, и такое чутье-опыт подсказывало Гридину, что он поступил правильно. Даже если абсолютно уверен в себе, не следует пускаться в разговоры с тем, кого не видишь. Это чревато трагическими последствиями. Просто не успеешь среагировать.

Примеры были.

«В полдневный жар в долине Дагестана с свинцом в груди лежал недвижим я...».

Это Лермонтов про Саню Столярова. Не в Дагестане, правда, было дело, а гораздо восточнее... и южнее... — но какая разница? «С свинцом в груди» — вот что главное. И ящерицы, ящерицы вокруг, тьма-тьмущая ящериц... А Вагиз, Канатоходец, — так его прозвали еще чуть ли не в века Трояновы. Не в полдневный жар, а на рассвете, и, опять же, не в Дагестане, а в другом месте...

У каждого из погибших сотрудников группы «Омега» был свой Дагестан.

Привычно вспомнилось: «Я есмь Алфа и Омега, начало и конец»¹ — и комментарий не боявшегося ничего Скорпиона. «Возможно, Господь и вправду альфа, — усмехался Скорпион, — но с омегой он пролетает, парни. Омега — это мы, и мы — круче!». Ну прямо типичный инструктор в стандартном америкосском кинодерьме. Хотя говорил Скорпион искренне. И имел на то основания.

«Омега» — последняя буква. Последний шанс, когда другие возможности уже исчерпаны.

У Гридина неожиданно заныло где-то между лопаток, но почти тут же все прошло.

Так ничего и не услышав, он полежал еще

¹ Откровение Иоанна Богослова. (Здесь и далее — примечания автора.)

немного, сосредоточившись, настраивая себя, а потом по-змеиному пополз в ту сторону, куда ранее послал две пули. Пистолет по-прежнему был продолжением его правой руки, хотя в этом уже не было необходимости — теперь Гридин знал наверняка, что опасности нет. Во всяком случае, здесь и сейчас.

Но береженого, как говорится... Не в собственной ведь квартире, и не на даче у Лешки Волкова — еще не пообвык.

Поверхность, по которой он полз, была все такой же «поролоново-резиновой», но это не имело никакого значения и никак не влияло на выполнение задания. Иначе ему, Гридину, обязательно указали бы при инструктаже на эту местную особенность. Или особенность местности. А вот то, что он, следуя туда же, куда улетели пули, так никого и не обнаружил, значение имело. Очень даже. То, что рассказывал ему Скорпион, готовя к заданию, похоже, подтверждалось. Нет, сомнений, разумеется, и так не возникало, но всегда лучше убедиться самому.

Работать здесь было можно.

Ничего и никого...

Герман поднялся на ноги и убрал пистолет.

«Будем считать, что это стандартный вопрос на дальних подступах, — сказал он себе. — Меня засекли, распознали как чужого и, вероятно,

готовятся встретить уже там, на месте. Что ж — всегда готов!»

Это не было бравадой, это была констатация факта. В течение всей чертовой дюжины с лишним лет в «Омеге» он, Герман Гридин, действительно был всегда готов. И не подводил.

Да и разве мог он подвести — с таким-то именем!

Герман Георгиевич Гридин — гранитно, железобетонно, твердокаменно, зубы сломать можно. Поэтому и прозвище у него было соответствующее — Командор. Да-да, тот самый, который статуя, «каменный гость». Который руку до смерти пожал жеребцу Дон Гуану, хотя не руку надо было сжать этому раздолбаю с безупречной эрекцией, а другую часть тела...

Деда Германа по отцовской линии звали Григорием Гавриловичем, отец был Георгием Григорьевичем — тоже сплошные непробиваемые «г». «Гришка, гад, гони гребенку — гниды голову грызут»... Отец традицию поддержал, окрестил сына Германом. Причем имя взял не с потолка — мог ведь и Глебом наречь, и, не дай бог, Герасимом, и Геннадием. Назвал в честь любимого артиста, Олега Стриженова, сыгравшего роль злополучного инженера в старом кинофильме «Пиковая дама». Саму повесть Пушкина Георгий Гридин не читал и был не в курсе, что инженера звали Германном. С

двумя «н». И не имя это было, а вроде фамилия. И хорошо, что не читал — Германа Гридина вполне устраивала одна буква «н» в собственном имени.

Он окончательно решил оставаться на месте и уселся по-турецки, положив ладони на расставленные колени. Вокруг было тихо. Если кто-то и притаился неподалеку, то ничем себя не выдавал.

...Мрак исчез мгновенно, словно по чьей-то команде, сменившись светом. Правда, свет был так себе, не ярче, чем от маловаттной лампочки, но все-таки... Утро сменяет темноту по-иному, оно не набрасывается, а подкрадывается, постепенно вытесняет ночь. Однако такая повадка присуща ему где-то там, но не здесь. Ничего не попишешь, аномальная зона есть аномальная зона. И совсем не факт, что это именно утро.

«Фиат люкс, — мысленно сказал Гридин. — Да будет свет».

Такое прорывалось у него порой в самые неожиданные моменты. Его мама чуть ли не всю жизнь работала библиотекарем, и Герман в детстве и юности много читал, чем отличался от многих и многих сверстников. Временами книжное само собой приходило ему на ум, а хорошо это или плохо — кто знает?

Теперь окружающее просматривалось, пожалуй, метров на триста-четырееста. Вставить

Гридин не спешил — изучить обстановку можно было и сидя. А пейзаж оказался скудным. Совсем никаким был пейзаж. Во все стороны от Германа простиралась ровная, абсолютно голая пустыня, если можно назвать пустыней желтоватую поверхность, которую и не знаешь, с чем сравнить: то ли с линолеумом, то ли с не до конца застывшим стеклом, то ли еще с чем-то... Над головой у Гридина разлеглось не менее скучное небо без всяких признаков привычной лазури. Небо казалось отражением земли, таким же желтоватым, и не было в нем ни солнца, ни звезд, ни луны — оно тускло светилось само по себе. Воздух был умеренно теплым, без единого дуновения ветра. Ничего знакомого, земного, в пейзаже не замечалось.

«Аномальная зона есть аномальная зона», — вновь сказал себе Гридин.

Главное сейчас было то, что окружающее не внушало особых опасений. Здесь негде было укрыться противникам... разве что они могли выскочить из-под земли или упасть с неба, в котором не наблюдалось ни облаков, ни птиц. И такую возможность тоже нужно было обязательно учитывать и не расслабляться. Не только не расслабляться, но и привести себя в сверхготовность — во-первых, он, Гридин, тут как на ладони, а во-вторых, весь этот чудесный вид мог

быть не более чем иллюзией. И тем более, им, Гридиным, уже заинтересовались. Правда, этого заинтересовавшегося нигде не было видно. И слышно тоже не было. Однако в любом случае, прибытие Гридина не осталось незамеченным.

Все представлялось здесь совершенно изотропным, но Гридин точно знал, что идти ему нужно вон туда, направо.

На некоторое время он отбросил все мысли и сосредоточился, настраивая себя на сверхготовность. А потом встал и зашагал по желтоватой плоскости — не быстро и не медленно, в оптимальном темпе. Приходилось уже ему так шагать, и не раз, только поверхность под ногами была другой.

Внутренняя сирена молчала, и значит, никто не держал его на мушке. И это было хорошо.

...Километра через три Герман отметил, что вокруг чуть посветлело, а плоскость стала наклонной. Все чаще на пути попадались узкие трещины, сквозь которые пробивалась редкая, тоже желтоватая трава. Но это не значило, что тут действительно растет трава...

Он сделал еще немало размеренных шагов, находясь все в том же состоянии сверхготовности, прежде чем окружающее изменилось. Это произошло в одно мгновение, словно из киноплёнки вырезали сотню-другую кадров, а

остальное ловко склеили. Этот момент Гридин все-таки не уловил и замер на месте не сразу, а через два шага. Тут-то его и могли прихватить — но не прихватили. Обошлось.

«На этот раз обошлось», — поправил он себя.

Скорпион предупреждал об этом — о внезапных переменах, когда сознание по каким-то невыясненным причинам просто не способно уловить сам ход процесса. Поделаться тут, по его словам, ничего было нельзя, и с этим приходилось мириться. И уповать на то, что перемены не очень опасны для жизни. Скорпион говорил еще о компенсации задержки, возникающей при передаче визуального образа от сетчатки глаза до соответствующего отдела мозга. Мол, мозг как бы предсказывает будущее, дорисовывая образ, исходя из неких базовых принципов восприятия окружающего. А поскольку предсказания не совпадают с действительностью, то этот самый отдел мозга начинает давать сбои, отключаться. Говорил Скорпион, говорил, а потом махнул рукой и заявил, что ему, Гридину, совершенно не обязательно забивать этим голову. Главное — знать, что такое может случиться, и быть внутренне готовым к изменениям.

И оказалось, что Герман, в общем-то, готов. Во всяком случае, какого-то сильного психологического потрясения он не испытал.

Хотя изменения были довольно существенные. Прежний пейзаж с бедностью линий и цветовой гаммы уступил место картине более яркой и насыщенной деталями. Теперь Гридин стоял на поросшем травой — зеленой травой — склоне, уходящем к неширокой реке с темной спокойной водой. Противоположный берег был пологим, и кое-где виднелись там приземистые кусты. Хотя стало еще светлее — при прежнем отсутствии солнца в налившемся густым янтарным цветом небе, — заречные дали не просматривались. Присутствовала там какая-то дымка, этакое сфумато²... Хотя, возможно, этот термин в данном случае не совсем подходил.

Гридин смотрел на реку — она казалась неподвижной. В глубине могли водиться какие-нибудь зубастые твари, но вариантов не было: мостов, лодок или плотов ни слева, ни справа не прослеживалось, и вряд ли воды расступятся перед ним, как Чермное море перед сынами Израилевыми, ведомыми Моисеем. Так что нужно

² Sfumato (итал.) — затушеванный, буквально — исчезнувший как дым. Прием в живописи: смягчение очертаний изображаемых предметов, фигур (и светотеневой моделировки в целом), которое позволяет передать окутывающий их воздух.

было рисковать.

Герман переступил с ноги на ногу. Зубастые твари в голове почему-то сменились неясными фигурами Данте и Мильтона, они шептали о Стиксе, Флегетоне и прочих водных артериях Ада. К великим поэтам прошлого не преминул присоединиться сибирский шаман Николай — сухощавый мужчина лет сорока с лишним, в котором вроде не было ничего колдовского. И мухоморов он не ел, во всяком случае, при Гридине, а вот коньячку они разок-другой выпили, и не так уж мало. И даже не разок-другой, а побольше. Николай участвовал в подготовке Гридина к этой операции, и именно от него Герман узнал некоторые любопытные вещи.

Как говорил Николай, по горизонтальной оси шаманского бубна протекает река, соединяющая мир живых людей и их предков. И не случайно древние могильники устраивали на островах или окружали рвами — водные преграды отделяли загробный мир от мира обыденного...

Безусловно, ассоциативное мышление — штука хорошая и нужная, но порой лучше обойтись без него. Ну при чем тут Данте с Мильтоном и приглашенный руководством «Омеги» шаман Николай? Весьма широкого, между прочим, кругозора человек.

«Извините, ребята, — мысленно сказал

Гридин. — Какие, на хер, ахероны, какие стиксы?»

Приминая подошвами хоть и зеленую, но все-таки невзрачную траву, он решительно спустился к реке и тронул воду носком ботинка.

Опа! Вода подалась в стороны, облегая ботинок, но не касаясь его, словно ступня Гридина была окружена неким, столь любимым фантастами, силовым полем. Герман осторожно двинул ногу вперед — и вода послушно попятилась, отозвавшись на это движение. Кажется, его тут действительно приняли за Моисея... Хотя, скорее всего, никакой воды просто не было.

«Не ведись на всякие заморочки, Гера, — говорил ему Скорпион. — Иначе и шагу не сможешь ступить».

Однако тот же Скорпион, он же в миру Станислав Карпухин, говорил и другое:

«Но присматриваться надо постоянно, и если что — назад, в сторону, кувырок, прыжок, обратные маятники, что угодно... В аут, на угловой... Только быстро!»

Даже еще не подняв голову от воды, Гридин понял, что поблизости появилось нечто новенькое. Это «новенькое» оказалось обычной и довольно старенькой серой моторкой-дюральной с облупившейся краской. Лодка, выставив нос на песок, покоилась в трех метрах от Гридина, и можно было подумать, что она торчит здесь лет сто,

а то и больше, а не появилась секунду-другую назад. Или тут правильнее сказать — *проявилась?* Назвать ее моторкой Герман поспешил, поскольку подвесного мотора в наличии не было. Весел тоже не было. Отсутствовал в лодке и сам Харон — голову Гридина никак не хотели покидать все эти загробные ассоциации.

Можно было, наверное, игнорировать неожиданно возникшее плавсредство и перейти на другой берег по дну реки, коль она так охотно расступалась. Но вдруг не просто расступалась, а заманивала? Где гарантия, что на середине, на самой глубине, вода не зальет его с головой? А твари мигом оттяпают ноги-руки и эту самую голову. Мало ли что... Правда, лодка тоже могла быть приманкой для простофиль.

Ладно!

Гридин вынул пистолет и походкой крадущегося кота подошел к дюральке. Внимательно осмотрел ее, постучал по борту ногой — звуки были глуховатыми, но прозвучали в тишине, как выстрелы. Герман шагнул в лодку и, внутренне подобравшись, стал ждать последствий.

Последствия оказались не из разряда неприятных или, не дай бог, трагических. Лодка плавно, кормой вперед, отчалила от берега, еле слышно прошуршав днищем по песку. Столь же плавно, как при замедленной съемке, развернулась

и неспешно понесла замершего на полусогнутых ногах Гридина на другую сторону.

2

Ступив на противоположный берег, Герман оглянулся. Лодка уже медленно кружилась на середине реки. Харон так и не появился.

«Вот и хорошо, — подумал Гридин. — Обола-то я с собой не захватил»³.

А еще он подумал о тех, кто пользовался этой лодкой. Если, конечно, перед ними появлялась именно лодка. Перед теми, кого забросили сюда раньше, до него.

Пистолет он решил в кобуру не убирать, и на мгновение возникло у него острое желание пальнуть по кустам, дабы посмотреть, во что это выльется. Однако подобные желания он научился обуздывать давным-давно, еще в училище. Помнилось, как сплошняком несло спиленные древесные стволы по быстрой Сухоне, сплошняком стояли высоченные сосны над обрывом, и он точно знал, где там спрятана метка, и готов был влечь

³ Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату в один обол (по погребальному обряду находящийся у покойников под языком).

туда всю обойму. Раз-раз — и отдыхать. Или играть в волейбол. Но — нельзя. Нельзя. Не та задача...

Вот именно: не та задача. Не для того его сюда доставили, чтобы без толку стрелять по кустам. И вообще, нет на задании ничего лучше, чем обойтись без стрельбы. Ручками, ручками, тихонько, без шума и пыли — и клиент готов. Саня Столяров любил шумовые эффекты, чтоб фейерверк, чтоб все гремело и полыхало, и у всех, как говорится, полные штаны. И получилось в итоге — «в полдневный жар в долине Дагестана...»

Впрочем, от этого никто не застрахован.

Он старался держаться поближе к кустам, шагая вперед в прежнем размеренном темпе, и вскоре заметил одну любопытную особенность местной флоры. Каждый куст издали выглядел наброском, этюдом — кое-как собранные в веник тонкие ветки с серыми, неопределенной формы листьями, что-то схематичное, непрописанное. Но когда расстояние сокращалось, приобретал индивидуальность и обогащался деталями и расцветкой. С десяти шагов было уже отчетливо видно, что ветки покрыты кофейного оттенка корой, а листья вовсе не серые, а зеленые, мясистые, с красноватыми, смахивающими на иероглифы прожилками и мелкими зазубринами по краям. Герман приостановился и оглянулся — и обнаружил, что те кусты, которые он миновал,

вновь превратились в серые наброски. А вот ни реки, ни лодки видно уже не было.

Очередной куст заставил Гридина присмотреться. Листья там были уж очень странные — ни дать ни взять кисти рук со скрюченными пальцами, только не обычного, телесного, а какого-то лягушачьего цвета. Герман остановился в двух шагах от куста и принялся его разглядывать сверху донизу. Да, картинка была не из приятных. Он отчетливо видел неровные, словно обгрызенные, ногти, и грязь под ногтями... В следующее мгновение многочисленные пальцы слабо зашевелились, а потом, при полнейшем безветрии, листья захлопали друг о друга, словно встречая пришельца аплодисментами. Выглядело это совсем уж тошнотворно, и Гридин поспешил удалиться от странного куста. И рукоплескания сразу стихли.

Этот внезапный сюр вновь вернул его мысли к шаману Николаю, которого Скорпион, без всякого намека на улыбку, как это он умел делать, называл Улуу Тойоном — «великим господином». Был такой бог, только с еще более длинным именем, отец и покровитель воронов — сам же шаман Николай о нем и рассказал. Улуу Тойон обитал в верхнем мире в образе ворона, а Николай был чернявым и длинноносым.

Шкафоподобный Скорпион сидел в позе

киношных америкосов — сам в кресле, ноги на столе, — держа в руке стакан с недопитым коньяком. Он, Герман, почему-то полулежал на диване — уже напился, что ли? Вряд ли... А Николай ходил по комнате из угла в угол, размахивая длинными руками, словно крыльями, и рассказывал, рассказывал...

Вот приходит к шаману человек, говорил он, который страдает «шаманской болезнью» — явным признаком способности к шаманскому служению. И сонливость его одолевает, и головные боли мучают, и кошмары снятся по ночам, и слышит он голоса духов, зовущих его, и бывают у него всякие странные и пугающие видения. В общем, полный набор. Комплект. Как тут можно помочь? А помочь тут можно одним-единственным способом: страдалец должен пройти через шаманское посвящение — инициацию и, обновившись и исцелившись, тоже стать шаманом. Почистить, так сказать, себя под Лениным, чтобы плыть в революцию дальше.

Судя по недоуменной гримасе Скорпиона, тот про Ленина не понял, а Гридин понял, потому что в нежном возрасте читал все подряд. И Маяковского тоже. И считал его очень мощным поэтом, каких не так уж много и наберется за все известные времена. Впрочем, поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин» их поколение и в школе проходило, только

Стасик Карпухин, будущий Скорпион, об этом, видимо, позабыл.

Во время шаманского посвящения иницируемый приобретает свой первый и самый важный психотехнический опыт. Он переживал собственное умирание и смерть. Он представлял, как его тело расчленяют на части, извлекают печень, почки, легкие, сердце и прочие мочевые пузыри и селезенки и развешивают на крюках, а потом варят и выделывают заново. А пока тело лежит разделанным, как медвежья туша, или варится в котле, обретая новые, сакральные, качества, гигантская птица с орлиной головой, железными перьями и длинным хвостом — Мать-Хищная-Птица — возносит душу будущего шамана на вершину мирового древа. Эта птица — покровительница шаманов, и у каждого она своя. Мать-Птица помещает душу в яйцо, лежащее в ее гнезде, и высидивает до тех пор, пока та не созреет. И вот душа выбирается из яйца и входит в обновленное и вновь целое тело. И посвященный воскресает шаманом.

Николай прошел через все это. А потом окончил еще и мединститут. И совершал камлания, во время которых, по его словам, возносился на небеса и спускался в подземный мир, мир мертвых...

Вот такие воспоминания овладели Гридиным

— потому что листья-кисти как-то сцепились в его сознании с теми печенками-селезенками, о которых совсем недавно живописно рассказывал разогретый коньяком таежный человек Николай. Да, ассоциации — это и большой наш плюс, и такой же большой минус. Все зависит от обстоятельств, места и времени.

Ассоциации сейчас были, наверное, Гридину не нужны. Задание ему дали вполне конкретное, четкое, и странный куст не имел к этому заданию никакого отношения. Вот если бы эти пальчики вцепились ему, Гридину, в горло, тогда — да. А так — торчит себе куст, ну и пусть торчит. Зона, брат. Зона...

Никакой опасности Герман по-прежнему не ощущал, но все-таки вновь оглянулся. Он ожидал увидеть равнину с редкими перевернутыми вениками-кустами и даже успел подумать — ну куда не деться от ассоциаций! — что веник переворачивают, дабы уберечься от незваного гостя. Есть такая примета. Он здесь — незванный гость, а кто-то из местных встречает его перевернутыми вениками. Уж не тот ли, кто пытался в самом начале вступить с ним в разговор?...

Так вот, позади себя Гридин ожидал увидеть равнину, а увидел настоящую войну в Крыму, когда все в дыму и ни фи́га не видно. То есть совершенно

ни фи́га. Про́йденный Гридиным участок равнины скрылся за сплошной серой пеленой, похожей даже не на туман, а на безнадежную непробиваемую стену. Стена медленно надвигалась, и Герман заторопился вперед, потому что, вопреки первому впечатлению, ему тут же представилась некая гигантская медуза, которая ползет, поглощая все на своем пути и выбрасывая из необъятной своей задницы — если есть у нее задница — только обглоданные косточки.

Возможно, никакой угрозы эта медуза в себе и не таила — во всяком случае, внутренняя сирена Германа по-прежнему молчала, — но, тем не менее, он решил немного пробежаться.

Бежать было легко, как в хорошем сне, и он буквально наслаждался этим вполне привычным еще со школьных лет занятием — словно давным-давно не бегал. Краем глаза он заметил, что серая стена возникла уже слева, метрах в тридцати от него, обходя по флангу, и что-то там колыхнулось, что-то закружилось, как в водовороте. Гридин повернул голову в ту сторону — и в этот момент ослепительная вспышка разорвала серый туман, и исторглось из мутных глубин нечто огненное, сверкающее, нечто подобное исполинской человеческой фигуре... да только человеческой ли? Разве бывают люди с тремя головами и пятью... — нет, шестью! —

руками? Гридин невольно заслонился ладонью, не успев ничего толком рассмотреть, и, не дожидаясь вопля сирены в голове, выхватил пистолет. Внутренняя сирена продолжала молчать, зато тишина внешняя сменилась пронзительными свистящими звуками, которые перемежались чем-то подобным хохоту и криками: «А-ла-ла!.. А-ла-ла!»... Словно вырвался из тумана поезд с перепившими футбольными болельщиками или завсегдатаями психбольниц. Шума было много, однако в этот раз Герман со стрельбой не спешил, хоть и держал оружие наготове. Он бросил взгляд из-под руки — огненный гигант топтался на месте всеми четырьмя ногами, напоминая горящего жирафа с картины Дали, и Гридин разглядел в огне и сверкании молний что-то похожее на черепа и белые ленты — или это были змеи? — свисающие с тела монстра. Впрочем, ручаться за точность собственного восприятия он бы не стал.

Он так и не успел принять никакого решения — хохот и крики оборвались, огненная фигура исчезла вместе с серой стеной, и обнаружилось там уходящее к горизонту свежевспаханное черное поле. По полю бродили еще более черные птицы, очень похожие на ворон. А может, это и были именно вороны.

«Вот так, — подумал Герман, убирая «глок». — Явился — не запылится будда-херука, а

в очереди уже стоят лев-человек, и тигроголовый, и кто там еще, в тибетской «Книге мертвых»? Ворон и сова? Или ворон уже разгуливает там, на поле?»

Приближаться к полю он не стал, потому что пункт его назначения находился немного в другом направлении, и Гридин это направление просто чувствовал.

«Мы тебе в голову компас запихнем, — говорил Скорпион, — так что не ошибешься».

В подробности Стас не вдавался, а Герман не спрашивал. Во-первых, не принято было у них спрашивать. Что сочтут нужным сказать, то скажут, все остальное — лишнее. А во-вторых, можно ведь вообще не знать о принципах, на которых основано, например, телевидение, и не иметь представления о том, из каких деталей собран телевизор — это ничуть не мешает успешно им пользоваться. Так и с внутренним компасом. Все-таки их контора — не какие-нибудь там «Рога и копыта», а заведение более чем серьезное, и разного хай-тека в нем навалом. Наш ответ блоку НАТО...

Гридин шагал параллельно полю, позади все было чисто, впереди тоже, и вороны не обращали на него никакого внимания. Он шагал и думал о том, что зона, безусловно, реагирует на его присутствие. Всё, что виделось ему здесь, было отражениями каких-то кусочков его сознания и

подсознания. Точнее, не всё, но — какая-то часть. Об этом Скорпион ему тоже говорил. Но что именно можно отнести к отражениям, а что — к реальности? Моторка без мотора... Да, он такие помнит с детства, они десятками сновали по Волге, а зимовали на Тьмаке, за мостом, у крутого склона, над которым вздымалась громада универмага, прозванного в народе «Бастилией». Но отражение ли это — или местное плавсредство, кем-то брошенное в зоне? Листья с пальцами... Из какой-нибудь детской страшилки? Огненный будда... Вернее, то, что он принял за книжного будду, хоть и не разглядел как следует — здешний ли это мутант или, опять же, отражение? Да и почему он, Гридин, решил, что это именно будда из тибетского заупокойного текста? Будду и всяких прочих интересных персонажей видят мертвецы — если верить «Книге мертвых». А с чего бы это ему, Гридину, считать себя покойником? Как говорится, не дождетесь! Может, это просто завалившийся на свалке бытовых отходов памяти фрагмент какого-нибудь видика. Или застрявший на сто пятнадцатом уровне подсознания образ огненного божества африканского племени ндембу, попавший туда из библиотечной книжки, прочитанной в пятом классе...

Герман покосился на птиц. Они по-прежнему бесцельно разгуливали по пашне и улетать не

собирались. А может, и не могли летать. Вот кто они, что они? Хотя почему бы им и не быть самыми обыкновенными воронами? Их, кажется, везде хватает, что в Вологде, что в Благовещенске... И никакие зоны им нипочем. Или все-таки он видит здесь ворон именно потому, что находится в зоне? Потому что такая вот она, зона?

«Не парь себе мозги насчет того, почему там именно так, а не иначе, — советовал Скорпион, а Скорпион знал, что советовать. — Это для тебя не главное, Командор, и к твоей задаче не относится».

Стас был, конечно же, прав. Выяснить природу зоны — дело специалистов. А для него, Гридина, главное — вовремя почувствовать опасность, избежать ее или устранить и выполнить задание. Обязательно выполнить. Остаться живым и более-менее здоровым. Но это уж как получится, насчет здоровья... Да, главное — вовремя почувствовать, откуда пахнет жареным. «Незнание опасности рождает героев» — вот потому-то в герои зачастую приходится записывать посмертно. Он, Герман Гридин, совершенно не собирался становиться таким героем. Зачем маме такое горе? Да и сам вроде еще не устал от жизни. В тридцать семь — мужик ягодка совсем... Или «совсемь», для полной рифмы.

Безусловно, нашлись бы в «Омеге» исполнители и более опытные, и более проворные,

и более смекалистые, — но в зону послали именно его. Потому что была у него внутренняя сирена, которая не подводила уже много лет и выручала не раз, и не два, и даже не десять. И если «компас» ему в мозги засунули совсем недавно, именно в связи с заброской в зону, то сирена впервые дала о себе знать еще в дошкольные годы, и откуда она взялась, Герман не имел ни малейшего понятия. Досталась в наследство от предка из каменного века? Почему бы и нет? Или, может быть, тут замешаны и вовсе не кроманьонцы, а жители Атлантиды, обладавшие разными необычными способностями, а потом забывшие о духовном — за что некие высшие силы их и наказали? Это уже давало о себе знать увлечение Гридина всяческой эзотерикой, нахлынувшее и благополучно схлынувшее лет десять назад. Считать себя потомком атлантов было круто — так тогда казалось Герману. Не из каких-нибудь мы, мол, псковских-рязанских, не из лапотных, а из самых что ни на есть атлантических атлантов, четвертой земной расы. Хотя каким ветром могло бы задуть атлантов в верховья Волги, где тогда обитал Гридин?...

Ушла назад пашня, сменившись чем-то вроде ссохшейся глины, и снова не за что было зацепиться глазу. Нет, возникали иногда впереди, в легкой дымке, какие-то контуры — деревья? опоры ЛЭП? телевышки? — но тут же и исчезали, как

только Гридин начинал к ним присматриваться. А потом над головой у Германа что-то зашуршало, как газета на ветру, и в десятке метров от него, прямо по курсу, упало на землю небольшое желтое колесо. Подпрыгнуло — и покатилося вперед, медленно покатилося, словно предлагая то ли догнать, то ли следовать за ним. Как за сказочным клубком, который приведет если не к Бабе Яге, так к Кощею. Ничего опасного в нем вроде не было, и Гридин позволил себе на мгновение выпустить новинку из поля зрения, чтобы поднять голову и посмотреть, откуда взялось это колесико. Но ничего и никого там, в вышине, он не обнаружил.

Догонять желтый кругляш Гридин не только не собирался, но даже остановился, чтобы тот укатился своей дорогой. Но не тут-то было! Кругляш тоже остановился, развернулся на девяносто градусов — и Герман наконец разобрал, что это вовсе не колесо, а круг сыра. Точно такой же, каких полно на прилавках супермаркетов. Точно такой же, как на картинке в детской книжке, где три медвежонка никак не могут поделить между собой поровну этот полезный молочный продукт. «Трапеза без сыра — это красавица, у которой не хватает одного глаза»...

Как следует поразмышлять на эту тему Гридин не успел. Равнина, среди которой он стоял, стремительно трансформировалась в

наклонную — ну очень наклонную! — плоскость, и сыр, все больше ускоряясь, поскакал вниз. А вслед за ним отправился на собственной спине и не удержавшийся на ногах Герман. Сила трения куда-то запропастилась, он мчался словно с хорошо раскатанной ледяной горки, и зацепиться руками было просто не за что. Желтый кругляш нырнул в невесть откуда взявшуюся сизую пелену, и туда же, секунду-другую спустя, угодил и Гридин.

Сирена пока молчала.

Уже потом ему подумалось, что ситуация, в которой он оказался, напоминает «чиз роллинг» — катание сыра, которое ежегодно любят устраивать жители одной английской деревушки. Десятки людей мчатся вниз по крутому склону холма, кувыркаясь и ломая руки-ноги, вдогонку за головкой сыра. Благо больница неподалеку, а внизу поджидают машины скорой помощи. Откуда взялось такое специфическое развлечение — неясно. Одни считают, что эту традицию некогда принесли сюда римляне, другие утверждают, что травмоопасные сырны покатушки — языческий лечебный ритуал. Хорошенький, однако, способ лечения!..

Но такая аналогия пришла Гридину в голову позже, а пока он, не чувствуя под собой опоры, висел в сизом полумраке. Полумрак был наполнен какими-то невнятными тихими звуками, похожими

на тревожный шелест листвы. Но никакой листвы вокруг не наблюдалось и ничего другого тоже. Пока Герман обдумывал, что тут можно предпринять, полумрак рассеялся. И оказалось, что сыр застыл поблизости, метров на пять-шесть ниже Гридина, а уж совсем-совсем далеко внизу простирается черное пространство — так выглядят вспаханные поля вроде того, оставшегося позади, если смотреть на них из самолета. Тут и там горели на этой черной поверхности костры, а на горизонте возвышалась темная гора. Гора шевелилась, и у вершины ее полыхали огнем два круга — как два глаза чудовища.

Сыр, словно получив некий сигнал, тоже вспыхнул, сорвался с места и, заложив вираж, которому позавидовала бы любая «летающая тарелка», вознесся над Германом. Желтое пятно, все больше ускоряясь, как стартовавший шаттл, уходило ввысь, и от него было все больше света.

Вероятно, какому-то промежутку времени вновь удалось проскользнуть мимо сознания Гридина — это могла быть секунда-другая, а может, и час-другой. Как и раньше, кто-то вырезал кусок из киноленты — и окружающее претерпело показавшиеся мгновенными изменения. И не только окружающее — Гридин уже не висел животом вниз, задницей вверх, а стоял на твердом покрытии. Сыр стал солнечным диском, впаянным в красноватое,

как на Марсе, небо, и света от этого новоиспеченного солнца было теперь не так уж и много. На грани сумерек. Под ногами у Германа оказался самый обыкновенный, не первой свежести асфальт. Неширокое шоссе, окаймленное голыми деревьями, похожими на тополя, серой лентой тянулось в гору. Подъем был длинным и пологим, и в конце его выглядывали из-за деревьев такие же серые, как асфальт, стены стандартных многоэтажек, испещренные окнами. Солнце в стеклах почему-то не отражалось.

Городская окраина, «спальный» район — так это выглядело. Обыденно выглядело, и просто радовало глаз своей обыденностью.

По правую руку от Гридина, на обочине, чуть наклонно торчала из земли железная рогатка, покрашенная белой краской. Возможно, она была элементом нехитрой дорожной конструкции, на которой пишут название населенного пункта. «Курносовка». «Бочагово». «Лихославль». Сам щит с надписью отсутствовал.

Наверное, неспроста.

«Где находится зона, знать тебе, Командор, не надо, — таков был ответ Скорпиона на вопрос Гридина. — Это совершенно лишняя информация. Ну, считай, — на Луне».

Потому-то и пришел в себя Герман только в вертолете, за час до посадки. А о том, что было до

вертолета — поезд ли, автомобиль, самолет, подводная лодка или космический корабль, — он не имел ни малейшего понятия. Что ж, начальству, как всегда, было виднее. Не надо знать — значит, не надо. Гридин верил Скорпиону, как самому себе. Доводилось им вместе работать там, где было жарко, и в такие попадать переплеты... Многим он был обязан Стасу, да и Стас ему — тоже.

Герман обернулся и увидел такие же деревья, такую же обочину и такое же шоссе, только уходящее вниз, в застывший белый туман. За деревьями, с обеих сторон, простирались черные поля. Ни в поля, ни в туман ему было не нужно. Он на всякий случай проверил, на месте ли пистолет и запасной магазин — хотя и так чувствовал, что на месте, — одернул куртку и неторопливо направился вверх по склону, держась у левой кромки. Будут ли тут встречные автомобили, он не знал, но предпочитал придерживаться правил. Вообще, самое целесообразное — придерживаться правил.

«Если они не мешают выполнять задачу», — мысленно добавил он.

Как обычно на заданиях, когда вот-вот уже дойдет до дела, Гридин ощущал прилив внутренней энергии, который ничуть не мешал состоянию сверхготовности. Состояние это чем-то напоминало эйфорию, но только эйфорию контролируемую — хотя такое определение было, наверное,

оксюморонам. И только сейчас Герман осознал, что ни разу с того момента, как он пришел в себя на борту вертолета, не вернулось к нему незнакомое ранее щемящее чувство, в последнее время беспокоившее его. Это было чувство какой-то утраты — будто лопнула внутри некая струна, будто оторвался кусок души. Словами такое описать было невозможно, и Гридин ничего никому не говорил.

Он досадливо мотнул головой и постарался сосредоточиться только на том, что видел перед собой.

Вокруг было тихо и безлюдно, и никто больше не задавал никаких вопросов. Пока? Серые здания медленно приближались, и, возможно, кто-то смотрел на него из окон.

Сирена помалкивала.

3

Велосипед то и дело подскакивал на выступающих из земли корнях, и Наташа каждый раз оглядывалась, чтобы проверить, как там поживает привязанная к багажнику сумка. Проплывали мимо сосны, на лесной дороге, усеянной рыжей хвоей, виднелись следы копыт и широких рубчатых колес трактора «Беларусь», и копошились среди конских «яблок» деловитые

навозные жуки. Полуденное солнце светило вовсю, но жары не было: вторая половина августа, конец лета — какая уж тут жара?

Да, судя по солнцу, Наташа проторчала в очереди не меньше двух часов. Когда отправлялась в Новиково, еще и десяти не было. Доехала без заминок. И что такое пять километров? Пустяк! А оказалось, не нужно было поутру возиться с маникюром, да и вообще копаться, потому что у новиковского сельпо толпилась уйма старух с кошелками — видать, со всей округи, — плюс еще с десятков явно городских личностей, с велосипедами, то ли туристов, то ли таких же отдыхающих, как и сама Наташа. И мужиков там крутилось порядочно (в рабочее-то время!), сине-серых, небритых, помятых, дымящих папиросами «Прибой». И это значило, что в сельпо завезли плодово-ягодное вино, которое в народе звалось «гнилушкой». Несколько раз, в общежитии, Наташе доводилось пивать этот дешевый — по девяносто две копейки бутылка! — со специфическим вкусом напиток (а что еще прикажете пить студентам?), и впечатления у нее остались не самые приятные. Мягко говоря. Впрочем, портвейн был не лучше.

Продавщица трудилась явно не по-стахановски и не по-гагановски — куда ей было спешить-то? — очередь двигалась медленно, да

только ни у кого и не горело. Разве что у сине-серых похмельных мужиков. Но они-то как раз отоваривались без очереди, потому как все вокруг были сознательными и понимали: ну надо людям «поправиться», и работа, опять же, ждет их, ненаглядных. Вон, и трактор с прицепом стоит, поджидает, и грузовик... У Наташи, собственно, тоже не горело. Жорина бабушка, Серафима Ивановна, к домашним делам ее не подпускала. «Мядовый месяц — вот и отдыхай, девонька, — говорила она. — Еще наработаисси. Вы ж ко мне с Жоркой не горбатиться приехали, а с хозяйством я и без вас справлюсь. Отдыхайте, молодожены, сил набирайтесь. Вы ж, нябось, по ночам-та их нямало тратите, друг на дружку-та?»

Вот они с Жорой и отдыхали. Вернее, продолжали отдыхать. Начался их отдых на третий день после свадьбы, когда они вдвоем сели на поезд и покатали в Ленинград. Жили в гостинице «Ладога», целыми днями ходили то по музеям, то по магазинам, то в кино, а ночами... Действительно сил тратили немало. В общем, и дни были хорошие, и ночи, и погода питерская не подвела. Вернулись домой, сгрузили покупки, а потом, опять вдвоем, — теперь уже на катер и в деревню. Правда, особенно разгуляться тут было некогда — у Жоры заканчивался отпуск, и нужно было еще съездить в Бежецк, к Наташе домой, а потом что-то

придумывать с ее работой. Хотя от самой Наташи тут мало что зависело — ну какая работа может найтись для свежееиспеченной выпускницы филологического факультета пединститута? Учителем в одной из городских школ? Так в филологах нехватки не то что не было, а даже наоборот — был переизбыток. Другое дело, если ехать по распределению в деревню, но Наташа получила «свободный диплом», поскольку все знали: она выходит замуж и остается в Калининe, потому что муж работает здесь же, на вагонзаводе. Конечно, для «свободного диплома» играть свадьбу нужно было раньше, до распределения... но звезды расположились удачно, и все устроилось самым лучшим образом.

Разумеется, дело тут было вовсе не в каких-то там далеких звездах, которые имели в виду все дела земные, а в Жорином дяде — далеко не последней фигуре в многотысячном коллективе вагоностроителей. Дядя занимал должность заместителя секретаря заводского партийного комитета и имел возможность, как говорится, «решать вопросы». И совсем не случайно его племянник Георгий Гридин, закончив местный политех, уже через несколько лет стал начальником технической части рамно-кузовного цеха. И это при том, что кадры ИТР на заводе продвигались вверх по служебным ступенькам крайне медленно... Вот

так, еще и тридцати не стукнуло — а уже начальник. Более того, дядя и квартиру ему в новом заводском доме выбил, да еще и двухкомнатную — на одного! Мол, на перспективу, в расчете на будущую семью, а то ведь может и свалить ценный специалист на какое-нибудь родственное предприятие. В ту же Коломну, например. Или в Ригу. А этой весной, с подачи Жоры, дядя начал хлопотать и за будущую жену племянника. Переговорил с партийными коллегами из пединститута и обеспечил Наташе «свободный диплом», не забыв, как водится, отблагодарить товарищей кое-каким дефицитом из заводских фондов. А сейчас «пробивал» для нее еще одну ставку библиотекаря в заводском Дворце культуры «Металлист».

Наташа была очень благодарна и Жоре, и особенно его влиятельному дяде за то участие, которое они принимали в устройстве ее жизни, и радовалась, что есть у нее такие помощники. Без помощников гораздо тяжелее заполучить уютное местечко под солнцем, что бы там ни твердили о том, что в советской стране перед каждым открыта любая дорога. Дороги-то, может, и были открыты, да только вот куда они вели?... Однокурсницы, а больше всего — соседки по комнате в студенческом общежитии, тоже радовались за Наташу и по-хорошему ей завидовали. Жору она с ними

познакомила еще зимой, и впечатление он на них произвел самое благоприятное: не такой же студент-одногодок с ветром в голове, любитель запивать «гнилушку» пивом, которого потом, после института, еще и в армию загребут, а вполне солидный человек, с квартирой и очень приличной зарплатой.

Впрочем, Наташа его себе специально не подбирала. Да и сама отнюдь не была несчастной Золушкой. Вот только отец... После войны, в сорок шестом, он вернулся в родной Бежецк из Австрии, в сорок седьмом женился на Наташиной матери, а уже через год, после рождения дочери, угодил в тюрьму за пьяную драку с поножовщиной — не первый он был и далеко не последний из русских людей, кому ломала жизнь водка. Хотя, отбыв срок, он вроде бы взялся за ум и принялся шоферить в Бежецке. Попивал, конечно, как большинство тамошних работяг, но в драки уже старался не лезть и в семье тоже не буйствовал. С женой жил дружно и дочке внимание уделял... Нет, конечно, всякое бывало, но в общем... Чаще всего Наташа вспоминала отца именно таким, каким он был в те годы. Но прошли они, те годы, и в шестидесятом отец подался на Крайний Север. Погнался, что называется, за длинным рублем... или просто не сиделось ему на месте? Три года подряд вот так приезжал-уезжал — правда, и деньги привозил

приличные. А потом не приехал...

Нет, вовсе не другая женщина была тому причиной, и не обморозился он, застряв в снегу на своем «студебеккере», и не покалечило его бревном при погрузке. Все было гораздо хуже. Его ограбили и убили, когда он с деньгами возвращался домой. И выбросили из вагона, ночью, в трех часах езды до Москвы. Пил-гулял с попутчиками, а попутчики оказались бандитами. Впрочем, кто они и что они, так и осталось неясным — милиция их не нашла. И очутился Наташин отец в конце концов на бежецком кладбище за рекой Мологой, не прожив на свете и сорока лет...

Наташа осталась с мамой и бабушкой. Материально жили не только не хуже, но и гораздо лучше многих, потому что Наташина мама после смерти мужа решила изменить кое-какие свои жизненные принципы. Хоть и сулил Никита Сергеевич Хрущев довольно скорое наступление коммунизма, но денег пока никто не отменял, и в какой, пусть даже самый сильный бинокль ни смотри — нигде не видать было обещанного изобилия. И ради дочки пошла она на рискованное дело. Рискованное — но дающее неплохой приработок. Наташина мама была врачом-гинекологом, а эта врачебная специальность издавна входила в число востребованных, и очень даже востребованных. Когда в середине

пятидесятых в стране вновь было разрешено проведение аборт, Советский Союз — как выяснилось уже в другие времена, после обнародования такой статистики, — сразу занял чуть ли не первое место в мире по количеству аборт на число рожденных детей. Как всегда — «впереди планеты всей»... Женщины могли делать аборт вполне открыто, на самых законных основаниях, но очень многие «залетевшие», по вполне понятным причинам, стремились устроить все таким образом, чтобы об их проблемах знало как можно меньше народу. Так что врачи-гинекологи отнюдь не бедствовали.

А потому, уехав учиться в Калинин, Наташа не считала копейки и с хлеба на воду не перебивалась. И мама денег давала изрядно, и стипендию получала. Нет, вовсе не с нищей сироткой имел дело Жора...

Прошлой осенью, в середине ноября, Наташа, вместо того, чтобы ехать на воскресенье домой, в Бежецк, отправилась в Москву. Туда, выйдя замуж за офицера и так и не окончив институт, перебралась лучшая ее подружка Таня Феоктистова. Они на младших курсах вместе снимали комнату у одной бабки — в общежитии селили далеко не всех и далеко не сразу. Наташа погостила у Тани полсубботы и полвоскресенья — вот уж наговорились вволю! А потом, прежде чем

ехать на Ленинградский вокзал, а оттуда — в Калинин, Наташа завернула в ГУМ. Как это — оказаться в «сердце Родины», которая уже потом была прозвана «Нерезиновой» и «Понаеховском», и не побывать в ГУМе?

Вот уж где было всего — аж глаза разбегались... Не зря ходила такая шуточка (за шуточки, слава богу, уже давно не сажали): в Советском Союзе очень изящно решена проблема обеспечения населения товарами. Все свозится в Москву, а народ сам туда приезжает, покупает и тащит домой. И, опять же, не зря тогда же гуляла по Калинин у вполне отражающая реальность загадка-отгадка: «Что это такое — длинное, зеленое, колбасой пахнет?» Ответ: «Калининская электричка возвращается из столицы». Да, везли, везли из Москвы колбасу, и не только колбасу — благо до Белокаменной было недалеко, и электрички ходили довольно часто...

Наташа бродила по ГУМу в толпе таких же приезжих — москвичи из-за толкотни туда ходить не любили, — и застряла в одной из секций, разглядывая женские кофточки. И тут к ней за советом обратился высокий черноволосый парень: какая, мол, кофточка подойдет девушке, которой вот-вот стукнет девятнадцать? Наташа от роли советчицы вежливо отказалась, потому что у каждого, а уж, тем более, у каждой — свой вкус, и

пошла себе дальше. А через два часа, в вагоне электрички, готовой отправиться в Калинин, тот же парень помахал ей рукой и похлопал по свободному месту рядом с собой.

От судьбы, как известно, не уйдешь.

Уже потом выяснилось, что кофточка предназначалась вовсе не подруге, жене или невесте, а двоюродной сестре, на день рождения, а сам парень — из тверских, и приехал в Москву, главным образом, чтобы купить себе зимнее пальто; в Калининском такого товара днем с огнем не найдешь. Правда, в этот раз и в столице не нашлось.

Электричка дотрюхала до конечной станции в первом часу ночи, и, конечно же, Георгий не мог не проводить Наташу до общежития. Так все у них и началось...

Однажды, в разговоре, в ответ на рассуждения Наташи о крайней маловероятности двойной их встречи в Москве, Жора высказал соображение, которое заставило ее задуматься и как-то по-новому взглянуть на своего кавалера. Это только кажется, заявил Жора, что такие встречи случайны. Если бы мы могли увидеть откуда-нибудь сверху жизненные линии людей, то обнаружили бы, что все они образуют грандиозный четкий узор с точками пересечений. И обрываются линии не где попало, а в строго определенных местах, что делает композицию геометрически совершенной. Просто